

Швейцарская колыбель русской революции. Часть2 | Le berceau suisse de la révolution russe. Partie 2

Author: Иван Грезин, [Лозанна-Женева](#) , 24.10.2017.

(DR)

6 января 1917 года Владимир Ильич Ульянов-Ленин получил швейцарский вид на жительство на два года... Что было бы, если бы он не отправился в Россию, а остался в Цюрихе? Продолжение.

|

Que se serait-il arrivé si Vladimir Oulianov-Lénine, après avoir reçu le 6 janvier 1917 un permis de séjour suisse d'une durée de deux ans, ne s'était pas rendu en Russie mais était resté à Zürich ? La suite.

Le berceau suisse de la révolution russe. Partie 2

Когда в 1904–1905 годах от собраний русская революционная молодежь перешла к митингам и демонстрациям, то общественное мнение Швейцарии всколыхнулось. «Журналь де Женев», описывая в номере от 8 марта 1904 года сходку русских студентов в Лозанне, отмечала, что «русские студенты-социалисты проголосовали в Лозанне за самую жесткую резолюцию против правительства своей страны». Но боялись швейцарцы не за российское правительство. Анонимный автор заметки переживал за Швейцарию и ее репутацию: «Эти господа и дамы должны бы осознать, что нейтральная страна, которая предоставляет им свое гостеприимство и средства своих учебных заведений, не приспособлена для такого рода упражнений». Русская революция автора не страшила, иное дело швейцарский порядок: «Если господа русские хотят устраивать революцию у себя, это их дело... Но, помилуйте, так как они не у себя, их действия касаются не их одних».

Полиция не всегда вмешивалась даже в ответ на прямые жалобы русских дипломатов. 18 февраля 1905 года глава Российской миссии в Швейцарии В. В. Жадовский заявил протест в связи с тем, что муниципальные власти города Берна оказывали «моральную и материальную поддержку» сборщикам средств в помощь «зачинщикам беспорядков в России». Речь, конечно, шла о последствиях Кровавого воскресенья. Сбор открыто велся на улицах и площадях города. Федеральный совет протест отклонил, заявив, что акция носила неофициальный характер, а деньги были направлены не зачинщикам, а семьям жертв беспорядков.

С ростом революционных настроений в 1905 году возрастала и дерзость революционной молодежи. О «преступлениях царизма» кричали в кафе «Хандверк» в Женеве, в Народном доме Берна, на улицах Лозанны и Цюриха. 7 марта, на масленицу того же года, «продвинутые» студенты и их единомышленники собирались устроить в Берне балаганное представление на тему поражений русской армии в японской войне. Афиши отпечатали, но неясно только, был ли в конце концов проведен этот «перформанс». Полиция в любом случае безмолвствовала.

Когда же деятельность старых и новых революционеров была совершенно легальна, то у полиции и подозрений не возникало на предмет того, зачем где-то собирается столько русских иммигрантов. В Лозанне, например, и в мирное время, и после начала мировой войны, в отеле «Гиббон» (сейчас это значительно перестроенное здание банка UBS на площади Сен-Франсуа) регулярно собирались русские студенты – на благотворительные вечера. Камерная музыка, политическая или заостренная на политику лекция (А. В. Луначарский о культуре, А. М. Коллонтай о женском вопросе – возбуждение зала гарантировано!), а после – спектакль, вот типовая программа мероприятия. То, что на вечерах могут произноситься возмутительные речи, полицию не волновало, зато, когда в декабре 1914 года организаторы попросили снизить налог, выплачиваемый властям с дохода от благотворительных продаж, очередной вечер сразу оказался под угрозой запрета.

Сам вождь мирового пролетариата и в Женеве, и в Берне, и в Цюрихе жил не только скромно, но и законопослушно. При переезде Ленина из Берна в Цюрих весной 1916 года полицейский рапорт об Ульянове краток: «Он четко исполняет все свои обязательства и не дает поводов к замечаниям. По профессии адвокат, он теперь занимается писательской деятельностью. В настоящее время он работает в библиотеке. О величине его дохода мы не можем сообщить никаких сведений». Оставим в стороне туманный вопрос доходов и финансов вообще и сосредоточимся на приличной репутации. Не шуметь, не гулять допоздна, ни с кем из местных не ссориться. Вот залог успеха дела. Ленин, как никто другой, это осознавал. Тихий, незаметный человек и полиции будет неинтересен.

Иностранцам без национальных документов выдавался временный вид на жительство сроком на один год, но выдавался по уплате залога. В городе Цюрихе взималось, например, 1500 франков (огромная по тем временам сумма!) с человека и 3000 – с семьи. За Ленина в Цюрихе деньги, кстати, внесли швейцарские социалисты Отто Ланг и Фриц Платтен. В отдельной категории рассматривались иностранцы, уклонявшиеся от военной службы на родине. В эту категорию в 1916 году попал, вопреки его настойчивым протестам, и Ленин, вынужденный, вдобавок к обычному залогу, заплатить еще и дополнительные 100 франков.

Образцовому иностранцу 6 января 1917 года выдали вид на жительство на два года – до 31 декабря 1918-го! Другим, куда менее образцовым, медлили, задерживали, давали бумаги на короткие сроки. Казалось бы, сиди в Цюрихе и радуйся! А он через три месяца в поезд и – домой...

Самый, наверное, вопиющий пример легального ведения подрывной деятельности – кефирная ферма старого народника Егора Егоровича Лазарева в Божии над Клараном (части образованной много позже коммуны Монтрё), существовавшая до 1917 года. Туда приезжали социалисты всех направлений. Через Лазарева, успевшего за долгую революционную карьеру пожить и в Англии, и в Соединенных Штатах и связанного с «Обществом друзей русской свободы», на дело революции шли деньги от солидных спонсоров, но вряд ли мы когда-нибудь узнаем всю правду о партийных, надпартийных и межпартийных (Лазарев был формально эсером) финансовых механизмах того времени.

Местоположение фермы автору удалось точно определить. Здание, частично построенное на фундаменте древнеримской виллы, существует до сих пор. Желаящие могут посидеть на скамейке, «где сидел Ленин». У двух живописных платанов напротив фермы часто проводят фотосессии местные молодожены.

Куплена ферма была на рубеже 1892–1893 годов Петром Александровичем Лакиером, сыном известного историка и писателя, автора книги «Русская геральдика» А. Б. Лакиера, обосновавшимся в Кларане с 1887 года. После его смерти летом 1894-го, ферма досталась его вдове Юлии Александровне, в девичестве Александровой, уроженке Пензы, родившейся по одним швейцарским документам 1 марта, а по другим – 18 мая 1857 года. Даже вступив в брак с Лазаревым (тот официально осел в Божии с 24 декабря 1896 года), она тем не менее по документам оставалась единственным собственником владения. Согласно архивам земельного кадастра кантона Во, ферма и все прилегавшие к ней участки были записаны только

на Юлию Александровну. Так что, строго говоря, «ферма Лазарева» была фермой не Лазарева, а Лакиера. На ферме держали шесть коров и лошадь. Заплатить залог в 1000 или 1500 франков (сумма варьировалась) каждому из супругов Лазаревых было нетрудно: ферма приносила доход. В поручениях товарищам по партии, как это было в случае Ленина, не было надобности.

В 1914 году Юлия Александровна продала скот, а 27 ноября 1917-го и саму ферму семье Вюишу – Марку-Эмилю, а в 1954-м ее унаследовали двое его детей, и у местных жителей хозяйство стало прочно ассоциироваться с этой фамилией. «Русский период» в жизни фермы быстро забылся. Получив от продажи 28 тысяч франков (минус ипотека в 15 тысяч), Юлия Александровна жила еще несколько лет в съемной немеблированной квартире за 600 франков там же в Кларане и смогла приехать к мужу, но не в Россию, откуда он уже бежал, а в Чехословакию, только летом 1922 года. Детей у нее ни от первого, ни от второго брака не было.

За год до этого, летом 1921 года, в полицейском отчете объяснялось, что против Юлии Лазаревой у полиции нет ничего, но что денег у нее на новый залог тоже больше нет. Муж же, Егор Лазарев, – «очень хорошо известный коммунистический агитатор, въезд которому в Швейцарию запрещен». А Егор Егорович с 1907 года находился в разъездах между Швейцарией и Россией и окончательно покинул Божу в 1917-м, предпочтя Кларану революционную Родину. Как и во многих других случаях, после 1917 года швейцарские власти осмелели и стали запрещать то, что раньше было немыслимым. Столько лет терпели «коммунистического агитатора», а когда он сам по своей воле уехал из страны, то запретили ему въезд. Причем за несколько лет до 1917-го года полиция основательно интересовалась Лазаревым и его связями: «Совершенно очевидно, что он служит защитой и посредником между различными русскими иммигрантами и что сам он принадлежит к революционной партии, играя при этом некую роль в политике этой партии». Полицию интересовали клиенты Лазарева, распивавшие кефир на ферме. И женевские, и лозаннские агенты политической полиции приезжали в Божу с целью расспросить о гостях самого Лазарева, но впустую: он товарищей не выдавал, а к нему самому и придраться было невозможно – из поездок в Россию он привозил безупречные паспорта.

Другое совершенно легальное учреждение – знаменитая библиотека-читальня Николая Александровича Рубакина (1862–1946) в том же Кларане. Это первоначальное ее месторасположение; в Лозанну, с которой привычно связывают имя Рубакина, знаменитый культуртрегер переехал только в 1922 году, много лет спустя. Дом, имеющий собственное имя «Ламбер», сохранился во всей красе – он находится прямо напротив фермы Лакиеров-Лазаревых. Рубакин обосновался в Кларане с 1908 года. Его жизнь известна, о нем и его легендарном книжном собрании много писали. Советский гражданин (в полицейском досье Рубакина указующий перст со словами: «Имеет советский паспорт» красуется на обложке как черная метка), он попал под подозрение полиции только с тех пор, как остался в Швейцарии во времена массового возвращения на родину русских революционеров и им сочувствовавших. До этого никаких подозрений ни он, ни его библиотека не вызывали. Но неслучайно одна из многочисленных публикаций о Рубакине называет его собрание «библиотекой для революционеров». Туда приходили не только и не столько чтобы Пушкина с Тургеневым читать, а за актуальной политической литературой и прессой.

Хотя даже Охранное отделение отмечало в рапортах, что примерно года с 1910-го Рубакин становился все более и более аполитичным, отдаваясь от политических партий и групп в сторону науки, все его старые знакомства – от Плеханова и Милюкова до Ленина и Луначарского – сохранились. Русский клуб в отеле «Сплэндид» в Монтрё, который он устроил для меж- и надпартийных встреч в годы войны, оставался остро политическим.

В швейцарском полицейском отчете сентября 1919 года всё или почти всё представлено очень позитивно. Подчеркивалось, что Рубакин зарабатывает на жизнь литературой, получая 1000–1500 франков в месяц и тратя на две квартиры (одну для себя, другую для библиотеки) в доме «Ламбер» 2200 франков в год. Библиотека его оценивалась в 50–60 тыс. франков. Неизвестно, на чем основывались библиофилы-оценщики из полиции, но меньше года спустя, в сентябре 1920-го, тот же агент по имени Жорж Бонзон писал о реальной стоимости в библиотеки в 500 000 франков. Единственное на тот момент темное пятно в биографии Николая Александровича – обыск, проведенный у него дома по анонимному доносу в ноябре 1918 года, во время всешвейцарской забастовки. Доносчик настаивал на связях Рубакина с партией большевиков. При обыске, впрочем, ничего найдено не было.

Что осталось, когда «русские пацифисты», как их именовали телеграфные агентства и газеты в апреле 1917 года (они же мирные конференции проводили: в Циммервальде, в Кинтале – многие до сих пор уверены, что в бернских горах социалисты-маргиналы собирались для скорейшего окончания войны), сели в свой поезд? Швейцарцы стали вспоминать, кем были эти люди. Отсутствие документов, четких полицейских рапортов сыграло во многих случаях злую шутку. Стали создаваться художественные произведения и устные легенды, причем не только в левой среде. Говорить, что там-то и там-то побывал Ленин, пусть даже с добавлением, что это изверг рода человеческого, стало популярно. Что уж говорить о левых! Тут было где разгуляться. Уже в 1920 году на знаменитой женевской башне Молар появился столь популярный у туристов барельеф «Женева – город изгнанников» с лежащим Ильичом. Слащавая книга журналиста-коммуниста Мориса Пианзолы (1952 г.) «Ленин в Швейцарии» (русский перевод был сделан в 1958 году) просто наполнена формулировками типа: «Вот он идет по улицам Женевы... Рабочие, которые проходят мимо него в квартале Пленпале, принадлежат, возможно, к совсем еще молодой социалистической партии Швейцарии. Как бы они удивились, если бы могли знать, что только что навстречу им прошел человек, который станет создателем первого в мире социалистического государства». Дальше, правда, говорилось о юноше-грузине из Тифлисской духовной семинарии, который прочитал статьи Ленина и воскликнул: «Я во что бы то ни стало должен увидеть его». По понятным причинам пассаж о сыне сапожника Виссариона из переиздания книги Пианзолы 1965 года был исключен.

Коммунисту Пианзоле вторил женевский профессор истории, консерватор и старокатолик Свен Стеллинг-Мишо. Выступая 4 ноября 1967 года на церемонии открытия мемориальной доски В. И. Ленину на женевской улице Плантапоре, он, в частности, сказал: «Прохожие, которые встречались с ним [Лениным] тогда на улицах, были бы очень удивлены, если бы узнали, что этот невысокий, коренастый, лысеющий человек с мощным черепом, с раскосыми живыми глазами, закладывает основы первого в мире социалистического государства и вызовет в Европе и за ее пределами

изменения, размах и масштаб которых мы до сих пор не можем оценить».

От редакции: Продолжение рассказа Вы сможете прочитать в нашем завтрашнем выпуске. А другие материалы, связанные с юбилеем Октябрьской революции - в [тематическом досье](#).

[Швейцария](#)

Статьи по теме

[Швейцарская колыбель русской революции. Часть1](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/politique/shveycarskaya-kolybel-russkoy-revolyucii-chast2>